

Владыкина Т. Г. «Именные деревья» (*нимтуло писпу*) в микропонимии удмуртов / Т. Г. Владыкина, Л. Е. Кириллова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 232—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246.

Vladykina, T. G., Kirillova, L. E. (2017). “Nominal Trees” (*нимтуло писпу*) in Microponymy of Udmurts. *Nauchnyy dialog*, 11: 232-246. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.511.131'373.21

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246

«Именные деревья» (*нимтуло писпу*) в микропонимии удмуртов

© Владыкина Татьяна Григорьевна (2017), orcid.org/0000-0002-6351-2818, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), tgvladykina@mail.ru.

© Кириллова Людмила Евгеньевна (2017), orcid.org/0000-0002-1467-2372, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), kirlud@rambler.ru.

Рассматриваются названия отдельных деревьев в локальной топографии Удмуртии. Выявляется частотность употребления названий деревьев в микропонимах. Выделяются и анализируются лексико-семантические типы микропонимов, связанных с бытовыми явлениями (занятия жителей определенного локуса, события и случаи из жизни конкретных людей) или отражающих связь с системой календарных и семейных обрядов. Отмечается, что «имена» деревьев-персонажей как частного проявления архаического культа деревьев маркировали местность, обозначая сакральное пространство конкретного календарного или семейного обряда, символизировали центр Вселенной в пределах определенного локуса. Авторы приводят сведения о том, что возле таких деревьев жители деревни отмечали праздник встречи весны и первого выезда в поле (*гуждор*, *акашка*), пика лета (*гэршыд* / *трочин*) и его заката (*гэрбэр*). Дерево в контексте обряда символизировало также природную лестницу как один из способов вознесения жертвы богам. Дерево обозначало границу «чужого» и «своего» пространства: здесь «встречали» (поезжан рода жениха) или «расставались» (с рекрутом). В рекрутских обрядах явны мифологические представления о дереве как заместителе души человека. Авторы делают вывод о том, что

наиболее распространенными для микропонимии Удмуртии являются названия деревьев, которые сохраняют отголоски дохристианских религиозных верований, связанные с представлениями о духах — хозяевах природы, чаще всего о «лесном человеке» / «лесном хозяине» (*н'улэсмурт*), дары ему обычно преподносили под елями (*жаз'эл'с'ийон'н'и*). По частотности распространения этим названиям не уступают микропонимы, связанные с культом предков. Вера в необходимость кормления душ умерших родственников, в особенности — родителей, сохранена в названиях деревьев, к которым «относили» поминальную жертву (*лы/куйан, йыр-пыд/с'отон*). Приведенный в статье блок микропонимов анализируется в контексте мифологического мировоззрения и широких типологических соответствий со славянскими и другими финно-угорскими народами.

Ключевые слова: удмуртский язык; микропонимы; названия деревьев; лексико-семантические типы наименований; дерево в картине мира; дерево как центр Вселенной; дерево-лестница; дерево-граница, дерево-заместитель души; дерево-предок.

1. Введение

Одним из интересных аспектов в изучении микропонимии (названий мелких географических объектов — гор, холмов, лесов, полей, лугов, рек, ручейков, родников, колодцев, логов и оврагов, озер, улиц, переулков и т. д.) являются свойства названий отдельных деревьев устойчивые ассоциации с событиями частного характера или социальной жизни деревенского сообщества [Кириллова 1992б; Кириллова, 2015, с. 150—156]. Этот пласт информации представляет довольно богатый и интересный материал не только для лингвистов, но и для этнографов и культурологов, но он, к сожалению, оказался востребованным не в полной мере по нескольким причинам. «Именам» деревьев не оказывали должного внимания по сравнению с другими — крупными — пластами топонимии, поскольку они были значимы лишь в узколокальной топографии, хотя отдельные названия деревьев в качестве микропонимов в некоторых работах исследователей указаны (см. об этом: [Атаманов, 2015; Васикова, 2003; Кириллова, 1992а; Кириллова, 2002; Самарова, 2010]).

Названия деревьев как маркеры определенных мест сегодня исчезают или уже исчезли в связи с социальными пертурбациями и изменениями традиционного уклада жизни деревенской общины. Тем не менее при целенаправленном сборе топонимического материала можно еще извлечь частично сохранившуюся информацию и на основе полученных данных проследить принципы номинации деревьев как географических объектов, их связь с народными обычаями и обрядами, мифологическими представлениями.

2. Лексико-семантические типы наименований деревьев

В микропонимах Удмуртской Республики представлены названия деревьев и кустарников, которые произрастают на ее территории. Опре-

деляющим словом является апеллятив, обозначающий тот или иной вид дерева: *кыз* ‘ель’, *пужым* ‘сосна’, *кызпу* ~ *кыс’пу* ~ *кычпу* ‘берёза’, *бэриз’* ~ *бэриз’* ~ *бэрыз’* ~ *бэрыз’* ‘липа’, *тыты* ‘дуб’, *н’ылпу* ‘пихта’, *с’ирпу* ‘вяз’, *л’омпу* ‘черемуха’, *бат’пу* ‘ива’.

В нашей картотеке на сегодняшний день насчитывается более двухсот шестидесяти интересующих нас микропонимов. Анализируя частоту употребления апеллятивов, можно сказать, что чаще всего встречается лексема *кыз* ‘ель’ (140 раз), далее по убывающей *кызпу* ~ *кыс’пу* ~ *кычпу* ‘берёза’ (38), *пужым* ‘сосна’ (32), *бэриз’* ~ *бэриз’* ~ *бэрыз’* ~ *бэрыз’* ‘липа’ (28), *тыты* ‘дуб’ (18), *с’ирпу* ‘вяз’ и *н’ылпу* ‘пихта’ (по 3 раза), *л’омпу* ‘черемуха’ (3), *топол’* ‘тополь’ и *бат’пу* ‘ива’ (по 1 разу).

Характер микропонимов, таким образом, еще раз подтверждает правоту лингвистов, привлечших данные лингвистической палеонтологии и палеоботаники в решении проблем этногенеза финно-угорских народов. При определении места прародины для уральского и финно-угорского языков-основ существенными оказались названия типично таежных деревьев, и прежде всего — ели, сибирского кедра, пихты, лиственницы [Основы ..., 1974, с. 35–36; Хайду, 1985, с. 146, 155–159]. Хозяйственный уклад, верования, этнические черты удмуртов оказались связаны прежде всего с их экологической нишей — зоной преимущественно северных хвойных лесов: «Лес в значительной степени определял хозяйственно-культурную специфику удмуртов, сформировал многие черты их характера» [Владыкин, 1994, с. 37; Владыкин, 2004, с. 13; Шутова и др., 2009, с. 3, 41–42, 117].

Встречаются и такие микропонимы, в которых нет прямого указания на виды деревьев, детерминант лишь подразумевается и при необходимости уточнения вида географического объекта может быть восстановлен: *быртык/пуксон* (с. Зон Сюмс.)¹ (‘[ель,] куда садились ястребы’); *дарйа/ватскэм* (д. Нижний Тыловой Деб.) (‘[дерево,] где пряталась Дарья’); *пэтыр/кирос* (д. Ботино Селт.) (букв. ‘[дерево] с крестом [за огородом] Петра’). Микропоним маркирует произрастающую за огородом имярек ель с прочерченным на стволе крестом. У этого дерева проводили обряд задабривания умерших предков: молились, выбрасывали кости жертвенных животных. Данный объект имеет и другой вариант названия — *пэтыр/кыз* (‘ель Петра’).

Чаще всего микропонимы дают характеристику деревьев как географических объектов (внешний вид, форма, количество, расположение): *баззым/бэрыз’* (д. Пытцам Ув.) (‘большая липа’); *пас’кыт/тыты* (д. Эгыр

1 В скобках даны названия населенных пунктов и районов Удмуртской Республики (Удмуртской АССР), в которых зафиксированы указанные микропонимы.

Сюмс.) ('широкий дуб'), *чэбэр/бад'ар* (д. Валадор Вав.) ('красивый клен'); *кўин'/кычпу* (д. Мадьярово Селт.) ('три березы'); *вит'э-ти/кычпу* (д. Вылынгурт Сюмс.) ('пятая береза'); *шор/бусы/бэриз'* (д. Селигурт Игр.) (букв. 'липа на третьем поле') и т. д. Сюда же можно отнести и метафорические, то есть образные наименования, такие, как: *йыро/кыз* (д. Эгыр Сюмс.) (букв. 'ель с головой'); *чыртио/кыз* (д. Толошур Селт.), *чыртийо/кыз* (дд. Новая Вамья, Павлово, Удмуртская Тукля, Чабишур Ув.) (букв. 'ель с шеей') (о семантике этих трех названий см. ниже); *пийо/пужым* (д. Порвай Игр.) (букв. 'сосна с детенышем' — об основном дереве и поросли) и т. д. Иногда деревья олицетворяются с человеком, его внешностью: *губрэс/бэриз* (дд. Левые Гайны Сюмс., Нов. Монья Селт.) ('горбатая липа'); *куд'ырайо/кыз* (д. Верх Узвай Деб.) ('кудрявая ель'); *нонийо/пужым* (д. Кибжи-Жикья Ув.) ('грудастая сосна'); *палсуи/пужым* (д. Туканово Сюмс.) (букв. 'однорукая сосна' — с одной стороны дерева нет ветвей).

Наименования могут отражать также характер животного и растительного мира: *шырчик/бат'пу* (д. Новая Бия Вав.) ('ива, на которую часто садились скворцы'); *йёш/пийан/кыз* (д. Старые Юбери Можг.) ('ель, возле которой дикие утки выводили птенцов'); *ыгы/кыз* (д. Туканово Сюмс.) (букв. 'ель филина' — на этом дереве гнездились филины); *с'ирпуйос* (д. Рябиновка Ув.) ('вязы'); *кызэн/кычпуэн* (д. Ольховка Ув.) ('ель с березой').

«Включенность» деревьев в окружающее человека пространство и в социальную жизнь деревенского сообщества обозначена уже в их названиях. Они являются своеобразными «зарубками памяти», отражением происшедших в деревне событий: *макар/иашйэм/кыз* (д. Тылыглуд Сюмс.) ('ель, где ударило молнией Макара'), бытует параллельно с *макар/кыз* (букв. 'ель Макара'); *висар/кыз* (д. Ботино, Чужьял Селт.) ('ель Виссариона' — житель этой деревни Виссарион часто забирался на большую ель и играл там на гармошке); *йэром/бёрдэм/кыз* (д. Ларионово Деб.) ('ель, под которой плакал Ерофей'); *комун'ис/кыз* (д. Кельмовыр-Жикья Селт.) (букв. 'ель коммуниста' — под этой елью похоронен коммунист, убитый белыми во время гражданской войны); *микал'/бэриз* (д. Лудзи-Жикья Селт.) (букв. 'липа Михаила' — у этой липы бык забодал Михаила); *мат'и/кыз* (д. Малая Можга Вав.) (букв. 'ель Матрёны' — под этой елью во время полевых работ Матрёна родила ребенка); *ыж/бырон/кыз* (д. Малягурт Красн.) (букв. 'ель гibelи овец' — во время грозы под этой елью погибло тридцать овец) и т. д.

Иногда в качестве первого компонента выступают этнонимы: *бигэр/кытпу* (д. Квашур Селт.) (букв. 'татарская береза' — татары в этом месте устраивали праздник); *бигэр/кыз* (д. Мадьярово Селт.) (букв. 'татарская

ель' — под этой елью похоронен татарин); *чиган/тыпы* (д. Эгыр Сюмс.) (букв. 'цыганский дуб' — когда-то в этих местах останавливались цыгане, под этим большим, с широкой кроной, дубом они ночевали, спасались от дождя).

Зафиксированы микротопонимы, прямо или косвенно указывающие на какие-либо занятия людей, например: *кӧлан/кыз* (дд. Артемьевцы Як.-Б.; Тылыглуд Сюмс.) (букв. 'ель [для] ночевки' — под большой раскидистой елью ночевали во время полевых работ, так как поля находились далеко от деревни); *пукл'о/ошэм/кыз* (д. Шушангурт Игр.) ('ель, на которой были подвешены колоды для пчел').

3. Деревья-персонажи в системе календарных и семейных обрядов

Для представителей традиционной культуры, жителей определенного локуса, всегда информативно насыщен пласт микротопонимов, связанных с социальными явлениями. Большинство из них связано с дохристианскими религиозными верованиями и обрядами. Это названия, конкретизирующие места молений: *вӧс'ас'кон/кыз* (дд. Вылынгурт Сюмс.; дд. Иткулат, Новая Монья, Кейлуд-Зюнья, Кельмовыр-Жикья Селт.; д. Люкшудья Зав.; дд. Ключевая, Пытцам, Лудзил Ув.; д. Итадур Игр.; д. Малая Ита Шарк.; с. Тыловой Деб.); *вӧс'ас'кон/кыс'пу* (д. Чаш-Копки Селт.; с. Тыловыл-Пельга Вав.), *вӧс'ас'кон/тыпы* (д. Балма Сюмс.) ('ель / береза / дуб, под которыми молились'); *инмар/куштэм/чаг/воз'он/кыз* (д. Смелово Сюмс.) ('богом брошенная ель, где хранили лучину' — в этом месте в небольшом лесу было мольбище); *кэрэмэт/пужымйос* (дд. Иваново-Самарское, Капустино МПург.) (*кэрэмэт* — 'дух зла, злое божество'; 'священная роща; жертвенное место' — то есть 'сосны [моления] Керемет'); *гуждор/кыз* (д. Дукьявыр Деб.) ('сосна [моления] *гуждор* — первой проталинки'). Встречаются наименования, указывающие на вид жертвоприношения: *вӧс'ан/кыс'пу* (д. Чаш-Копки Селт.) ('береза, под которой проводили обряд жертвоприношения'); *зас'эг/вӧс'ан/кыз* (д. Сухая Видзя Ув.) ('ель, под которой приносили в жертву гусей'); *чун'ы/вӧс'ан/кыз* (д. Малая Можга Вав.) ('ель, под которой приносили в жертву жеребенка').

В микротопонимах нашли также отражение отдельные ключевые моменты календарных обычаев и структурные компоненты обрядов, например: *шудон/кычпу* (с. Зон Сюмс.) (букв. 'береза игрищ' — место молодежных игрищ); *пйа-ной/йо-лка* (д. Пажгурт Селт.) (букв. 'пьяная ёлка' — место сбора людей на праздник в честь окончания весенних полевых работ). У большого дерева *таган/кыз* (д. Павлово Ув.) (букв. 'ель-качели') на Пасху, Троицу, Петров день молодежь устраивала игрища, там устанавливали

качели, на которых можно было качаться с Пасхи до Троицы, исполняя песни на соответствующий празднику обрядовый напев *таган сям* (букв. 'качельный напев') [Нуриева, 1995, с. 111; Нуриева, 1999, с. 102]. Пасхальные обряды начинались со скачек, которые стартовали от *акацка/пужым* (д. Пазял Можг.), *акашка/кыз* (д. Карамас-Пельга Кияс.; д. Чумали Алн.) (*акашка* ~ *акацка* 'дохристианский праздник первой борозды, начала сева'; 'Пасха' — букв. 'сосна / ель [праздника] Акашка'). Парни и молодые женатые мужчины ехали верхом на лошадях к дереву и финишировали у околицы, следя за тем, какая лошадь придет первой. Объезжали всю деревню, объявляя о том, что они «привезли праздник» [Бойкова и др., 1992, с. 32]. С микропонимом *ворттылон/пужым* (с. Можга Можг.), *ворттылон/тыпы* (д. Гурезь-Пудга Вав.), *ворттылон/кыз* (д. Сизяшур МПург.) ('сосна скачек / дуб скачек / ель скачек') связаны обычно состязания верховых непосредственно на Троицу (*Гэршыд / Трочинь / Тройча*) или в последующий за ней день. Конкретное дерево сохраняло свое наименование даже в тех случаях, когда место моления по истечении времени называли по-другому, например, по виду жертвы: «С раннего утра выезжали на лошадях. Кони на месте устоять не могли, копытами били, так им на скачки хотелось. Когда со скачек возвращались, в одно место все собирались. Вся деревня собиралась на месте моления *Ветылвёсян*, где телку в жертву приносили. Под елью [*ворттылонкыз*] варили мясо, суп...» [Вершинина и др., 2014, с. 43, 355].

Большой пласт наименований деревьев связан с ситуациями «встреч» и «прощаний» гостей, родственников в контексте семейных обрядов. Так, о свадебных обычаях напоминают микропонимы *с'уан/кыз* (д. Родники Ув.) (букв. 'свадебная ель'); *с'уан/воз'ман/кыз* (д. Чабишур Ув.) (букв. 'ель встречи поезжан рода жениха'). Отголоски обрядов, связанных с воинской службой и проводами в рекруты, нашли свое отражение в названиях: *салдат/кэл'ан/кыс'пу* (с. Водзимонье Вав.) (букв. 'береза проводов в солдаты'); *салдат/кыз* (д. Новая Бия Вав.) (букв. 'солдатская ель'). Это были деревья за околицей, до которых провожали рекрутов (новобранцев), деревья были своеобразным местом прощания, пограничьем, отделяющим «свой» и «чужой» мир.

Содержанием рекрутских обрядов обусловлены названия *йыро/кыз* (д. Эгыр Сюмс.) (букв. 'ель с головой'); *чыртио/кыз* (д. Толошур Селт.) ~ *чыртийо/кыз* (дд. Новая Вамья, Павлово, Удмуртская Тукля, Чабишур Ув.) ~ *чыртыйо/кыз* (дд. Лонки-Ворцы, Чуралуд Игр.) (букв. 'ель с шеей'); *картузо/кыз* (д. Родники Ув.) (букв. 'ель с картузом'). Во время проводов новобранец, забравшись на ель, срубал несколько верхних веток, оголяя

ствол. Верхние ветки оставались, придавая дереву человеческий облик, что соответствовало его названию. Иногда верхушку дерева непосредственно срубали, но сделать это нужно было так, чтобы оно продолжало расти. Считалось, что, если дерево после этого засохнет, значит, этот человек не вернется домой, если не засохнет — вернется со службы. Этот обряд был распространен во многих деревнях Удмуртии. Очевидно, что подобного рода деревья, как и описанные выше, являлись своеобразными заместителями души уходящего далеко от родных мест человека [Владыкина, 2003, с. 56—57; Владыкина, 2004, с. 55—58]. В окрестностях деревень могли быть и другие специальные деревья, которые становились негласными «участниками» рекрутских обрядов: новобранцы вбивали в них лоскуток (*туз*), который мог символизировать дар дереву [Шутова, 2001, с. 56; Шутова, 2004, с. 159].

4. Деревья в похоронно-поминальных обрядах

Особенно много в удмуртских деревнях микропонимов, связанных с похоронно-поминальными обрядами, являющимися неотъемлемой частью культа предков. Отголоски архаических обрядов сохраняются в названии *куды/куйан/кыз* (д. Старые Какси Сюмс.) (букв. ‘ель выбрасывания лукошка’), куда бросали лукошко с вещами покойника по дороге на кладбище. Сакральная топография многих деревень Удмуртии до сих сохраняет названия: *лы/куйан/кыз* (выс. Копкинский Селт.) (букв. ‘ель выбрасывания костей [жертвенных животных]’); *йыр-пыд/с’отон/кыз* (дд. Латыри, Толшур Селт.) (букв. ‘ель отдания костей [жертвенного животного]’); *подат’/с’отон/кыз* (д. Чибыншур Селт.) (‘ель отдания / «подати» / гостинцев [умершим родственникам]’) и др. Во всех этих наименованиях отражается обряд задабривания умерших родственников, обычно родителей, когда по прошествии определенного времени после их смерти жертвовали домашних животных: мужчине — коня или бычка, женщине — корову или телку. Варили голову и ноги, олицетворяющие целостность животного, на ритуальную трапезу приглашали близких родственников. Соблюдая подобающие обычаю предписания, собранные в какую-либо емкость кости отвозили в соответствующее место. Крупные кости подвешивали к дереву, мелкие бросали к корням [Владыкин, 1994, с. 169—176; Черных, 2004, с. 113—114; Миннихметова, 2000, с. 58—59; Шутова, 2001, с. 55].

5. Дерево в традиционной картине мира удмуртов

«Именные» деревья в микропонимии — неотъемлемая часть культа деревьев и священных рощ у финно-угорских народов [Владыкин и др.,

1988, с. 138—155; Винокурова, 2015, с. 61—62; Власова, 1980, с. 57—62; Гагарин, 1978, с. 34; Гемуев и др., 1986; Мифология коми, 1999, с. 85, 317—318; Шутова, 2004, с. 41—43; Шутова, 2011, с. 56—71; Ants, 1975, с. 46], потому их значимость в культуре не может рассматриваться вне целостного представления о мире. Образ дерева в разных его проявлениях связан с пространственными и временными параметрами окружающего — реального и мифологического — пространства [Владыкина и др., 2011а, с. 108—111; Шутова, 2011; Shutova, 2006, p. 318—327].

Растущее рядом с родовым святилищем (*Будзым куала*) дерево (берёза, липа) воспринимается как центр Земли (*мудор*). Термин перешел на обозначение полки в родовом святилище (*куала*), где хранили короб с символическими предметами, олицетворяющими родовое божество (*воршуд*), под влиянием христианизации — на икону. Полку-мудор украшали березовыми ветвями летом, еловыми — осенью [Владыкин, 1994, с. 147; Шутова, 2011, с. 59]. С этими же представлениями соотносятся «именные» деревья божеств различных сфер: береза считалась деревом Бога-Творца (*Кылдысин*), сосна — бога воздуха и небес, Всевышнего (*Инмар*), ель — бога погоды (*Куазь*). Дерево было вписано в картину мира как медиативное звено, связующее по вертикали три мира. Во время весенне-летних праздников-молений, которые проводили на природе, дерево фигурировало в роли медиатора в разных ситуациях и видах. Кострище и козлы с котлом обрамлялись своеобразными «воротцами», которые сооружали из трех тонких березовых стволов. Верхние ветви поперечного березового ствола оставляли несрубленными. Полисемантизм конструкции усложнен изоморфизмом образов: дерево — ворота — храм, дым жертвенного костра — дереволестница. Принесенный для освящения каждой семьей узелок с продуктами (каравай хлеба, масло, яичные лепешки) ставили на покрытую древесными ветвями землю. Известны случаи, когда участники моления стояли с березовыми ветвями в руках. Одним из основных структурных моментов ритуала было подношение части жертвы верховному Богу (*вылзычон* — букв. «вверх возносимое»): неподалеку от кострища на ветвях развешивали головные полотенца замужних женщин (*чалма*), обрамляя сакральное пространство, из пригнутых ветвей устраивали род полочки или делали специальную полку, куда один из главных жрецов (*восьясь*) после чтения молитв (*куриськон*) ставил блюдо с жертвенной пищей. Только после этого приступали к другим этапам освящения жертвенной пищи и ритуальной трапезе. *Вылзычон*, воротца, дым ритуального кострища, в котором сжигались кусочки жертвенной пищи, объединялись и взаимодополняли друг друга в образе пути / способа донесения жертвы. Дерево являлось ключе-

вым элементом этого пути, первичной, природной «лестницей в небо» (*ин пагза / ин тубат*) [Владыкина и др., 2011а, с. 108—111].

Поминальные жертвоприношения (*йыр-пыдс'отон / лыпоттон*) — приношение головы и ног [жертвенного животного] / вывоз костей [жертвенного животного]), о чем говорилось выше, сопровождались подвешиванием крупных костей и черепа на ели, мелкие выбрасывали к подножию дерева. Одежду покойного развешивали на деревьях по дороге на кладбище. Обряд купания молодницы (*сялтым*) в цикле послесвадебных обрядов в отдельных локальных традициях отличался забрасыванием платка и верхней одежды невесты на дерево (обычно березу), которые должен был достать жених [Владыкина, 2011б, с. 110].

Проникновение желающего обучиться тайному знанию в потусторонний мир совершается по дереву / березе вниз головой, то есть дереву, растущему корнями вверх. Вниз головой спускается с рябины превратившийся в медведя человек / колдун в этиологических сюжетах преданий или сказок [Владыкина, 1998, с. 137—138].

Дерево как связующее с потусторонним миром звено фигурирует в жертвоприношениях лешему (*н'улэсмурт*). Сакральные локусы северных удмуртов (*žaz'эс'ийон'н'и* — место жертвоприношения гуся) расположены у елей, к ветвям которых подвешиваются завернутые в холстину кости и пух-перо птицы [Шутова, 2001, с. 95—97; Шутова, 2004, с. 40—41; Карпова, 2005, с. 167]. Жертва в виде огромного лаптя лесному духу (*палэсмурт* — букв. 'половинчатый человек') также вывешивается на ели [Владыкина и др., 2011а, с. 98—100; Шутова, 2004, с. 40].

Дерево как образ времени ассоциируется с представлениями о жизненном цикле человека: зеленое / цветущее дерево — молодость, засохшее — старость, вывернутое с корнями — смерть. Одним из постоянных образов в сравнительно-сопоставительной конструкции усложненного психологического параллелизма удмуртских народных песен является цветущее дерево / куст, чаще черемуха — отцветшее дерево с завязывающимися плодами / ягодами; молодость человека — зрелая пора с возможностью иметь детей как главной ценности жизни. К постоянным песенным образам относится также символическое отождествление дерева и человека: ствол дерева — стан человека, ветви — руки (молодой сравнивается с кленом, сосной, пожилой — с засохшей елью), белые цветы черемухи сравниваются с поседевшей головой.

Особенно явственна символика тождества в поверьях, где с деревом соотносятся не только периоды жизни человека, но и его судьба. Не разрешали рубить дерево, когда в семье есть больной. Табуировалась порубка

посаженных деревьев. Не разрешали сажать на подворье березу, но не позволяли ее рубить, если она вырастала сама. Соответствующее отношение было и к знаковым, «именным», деревьям.

В 2016 году нам удалось получить автозапись воспоминаний Раисы Константиновны Моториной, уроженки д. Старая Казмаска Завьяловского района Удмуртии (1939 г. р.). Вспоминая своего отца, Байкова Константина Ефимовича, ушедшего на войну в 1941 году и пропавшего без вести в 1944 году, она пишет: *Свою раннюю смерть он предчувствовал, видимо. На елях в казмасском лесу [близ своей деревни] ... имя [инициалы свои] вырезал-написал (Б.К.Е.). Лес вокруг весь вырубил, а деревья с именем-отчеством (нимтулоосыз) всё стояли. Я их ещё видела...* (перевод с удмуртского наш. — Т. В., Л. К.).

6. Выводы

Выделение дерева из общего массива леса, его «возвышение» и «обретение имени», происходит на двух уровнях — бытовом и сакральном. Локальная топография отдельного населенного пункта в бытовом плане образует систему «именных» деревьев как маркеров определенной местности. К ним примыкают и такие ориентировочные вехи, которые, помимо бытового назначения, имеют и другую — символическую — ипостась в связи с включенностью деревьев в календарные и семейные обряды. Они становятся центром Вселенной, эманацией общечеловеческой идеи Мирового Дерева, маркируя слияние сакрального пространства и сакрального времени, подтверждая и развивая ассоциативные связи образной параллели «человек = дерево»¹.

Сокращения

Районы Удмуртии: Алн. — Алнашский, Вав. — Вавожский, Деб. — Дебесский, Зав. — Завьяловский, Игр. — Игринский, Кияс. — Киясовский; Красн. — Красногорский; Можг. — Можгинский, М.Пург. — Малопургинский, Селт. — Селтинский, Сюмс. — Сюмсинский, Ув. — Увинский, Шарк. — Шарканский, Як.-Б. — Якшур-Бодьинский.

Типы географических объектов: выс. — выселок; д. — деревня, с. — село.

Литература

1. Агапкина Т. А. Дерево / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д—К (Крошки). — С. 60—67.

1 Об универсальном характере представлений о деревьях-знаках, культе деревьев см.: [Конкка 2015; Агапкина 1999а; Агапкина 1999б].

2. Агапкина Т. А. Дерево культовое / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д—К (Крошки). — С. 67—70.
3. Атаманов М. Г. Язык Земли Удмуртской : историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона / М. Г. Атаманов. — Ижевск : Ижевская республиканская типография, 2015. — 976 с.
4. Бойкова Е. Б. Песни южных удмуртов : материалы и исследования / Е. Б. Бойкова, Т. Г. Владыкина. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1992. — Вып. 1. — 192 с.
5. Васикова Л. П. Горномарийско-русский словарь географических названий / Л. П. Васикова. — Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2003. — 349 с.
6. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов : энциклопедия / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2015. — 524 с.
7. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В. Е. Владыкин. — Ижевск : Удмуртия, 1994. — 384 с.
8. Владыкин В. Е. Удмуртский этнос и мифология / В. Е. Владыкин // Удмуртская мифология. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2003. — С. 5—19.
9. Владыкин В. Е. Культ священной рощи у эстонцев и поволжских финнов (опыт сравнительного анализа) / В. Е. Владыкин, Х. Сарв // Ежегодник эстонского этнографического музея. — Таллин, 1988. — Т. 36. — С. 138—155.
10. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1998. — 356 с.
11. Владыкина Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте / Т. Г. Владыкина // Удмуртская мифология. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2003. — С. 54—66.
12. Владыкина Т. Г. Ар-год-берган : обряды и праздники удмуртского календаря / Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова. — Ижевск : Удмуртский университет, 2011а. — 320 с.
13. Владыкина Т. Г. Символика березы в удмуртской свадебной обрядности / Т. Г. Владыкина // Вестник Вятского гуманитарного университета. — 2011б. — № 4 (1). — С. 96—98.
14. Вершинина Е. Б. Песни южных удмуртов / Е. Б. Вершинина, Т. Г. Владыкина. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2014. — Вып. 3 — 384 с.
15. Власова Д. Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси / Д. Д. Власова // Вопросы ономастики : собственные имена в системе языка. — 1980. — Вып. 14. — С. 57—62.
16. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми / Ю. В. Гагарин. — Москва, 1978. — 326 с.
17. Гемуев И. Н. Религия народа манси : культовые места (XIX—начало XX в.) / И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. — Новосибирск : Наука, 1986. — 192 с.
18. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона : коллективная монография / Н. И. Шутова, В. И. Капитонов, Л. Е. Кириллова, Т. И. Останина. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2009. — 244 с.

19. *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка : образцы речи / Л. Л. Карпова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. — 581 с.
20. *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Вали (в типологическом освещении) / Л. Е. Кириллова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1992а. — 320 с.
21. *Кириллова Л. Е.* Топонимизация названий деревьев в удмуртском языке / Л. Е. Кириллова // Пермистика : диалекты и история пермских языков : сборник статей. — Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1992б. — С. 61—66.
22. *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Кильмези / Л. Е. Кириллова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2002. — 571 с.
23. *Кириллова Л. Е.* Микротопонимы как отражение социальных явлений в жизни удмуртов (на примере названий отдельных деревьев) / Л. Е. Кириллова // Коми-пермский язык и культура: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Пермь : ПГГПУ, 2015. — С. 150—156.
24. *Конкка А.* Карсикко : деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов / А. Конкка. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2013. — 286 с.
25. *Миннихметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов : монография / Т. Г. Миннихметова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2000. — 168 с.
26. *Мифология коми* / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина [и др.]. — Москва ; Сыктывкар : ДИК, 1999. — 480 с.
27. *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов / И. М. Нуриева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. — Вып. 1. — 232 с.
28. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов : проблемы культурного контекста и традиционного мышления : монография / И. М. Нуриева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — 272 с.
29. *Основы финно-угорского языкознания* (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / ред. В. И. Лыткин [и др.]. — Москва : Наука, 1974. — 484 с.
30. *Самарова М. А.* Наименования топообъектов Верхней Чепцы : монография / М. А. Самарова. — Ижевск : Удмуртский университет, 2010. — 246 с.
31. *Хайду П.* Уральские языки и народы / П. Хайду. — Москва : Прогресс, 1985. — 432 с.
32. *Черных А. В.* Святилища куединских удмуртов в конце XIX—XX в. / А. В. Черных // Культурные памятники Камско-Вятского региона : материалы и исследования : сборник статей. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — С. 101—118.
33. *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исследования / Н. И. Шутова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 304 с.
34. *Шутова Н. И.* Святилища в окрестностях д. Малый Дасос : К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест / Н. И. Шутова // Культурные памятники Камско-Вятского региона : материалы и исследования : сборник статей. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — С. 154—166.
35. *Шутова Н. И.* Сакральное пространство и культовые памятники / Н. И. Шутова // Удмуртская мифология. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2003. — С. 36—53.

36. *Шутова Н. И.* Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении / Н. И. Шутова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2011. — Вып. 2. — С. 56—71.
37. *Ants V. Puud ja inimesed* / V. Ants. — Tallinn : Valgus, 1975. — 156 lk.
38. *Shutova N.* Trees in the Udmurt folk religion / N. Shutova // *Antiquity*. — 2006. — Vol. 80, № 308. — P. 318—327.

“Nominal Trees” (*нимтуло писпу*) in Microtoponymy of Udmurts

© **Vladykina Tatyana Grigoryevna (2017)**, Doctor of Philology, senior research scientist, Department of Philological Studies, professor, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), tgvladykina@mail.ru.
© **Kirillova Lyudmila Evgenyevna (2017)**, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Philological Studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), kirlud@rambler.ru.

The names of certain trees in the local topography of the Udmurt Republic are discussed. The frequency of use of the names of the trees in the microtoponyms is revealed. The lexical-semantic types of microtoponymic names associating with everyday phenomena (activities of the inhabitants of a particular locus, events and experiences of certain people) or reflecting the links with the system of calendar and family rites are identified and analyzed. It is noted that “the names” of trees-characters as private manifestation of an archaic cult of trees marked the area, denoting sacred space of concrete calendar or family ritual, symbolized the centre of the Universe within a concrete locus. The authors give information that the villagers celebrated the coming of spring and the first out in the field (*эджор, акашка*), summer peak (*эзришд / трочин*) and summer end (*эзрбэр*) near such trees. The tree in the context of the rite also symbolized the natural stairs as one of the ways of ascension sacrifice to the gods. The tree marked the border of “alien” and “own” space: here one “met” relatives of groom, or “parted” (with a recruit). The recruiting rituals explicit mythological idea of a tree as the deputy of the human soul. The authors conclude that the most common for microtoponymy of Udmurt Republic are the names of the trees that retain echoes of pre-Christian religious beliefs associated with the notions of spirits — hosts of nature, most often about “the forest man” / “the forest owner” (*Н’улэсмурт*), gifts to him are usually presented under the fir tree (*жаз’ элс’ ийон Н’и*). The microtoponyms associated with the cult of ancestors are also of such frequency. The belief in the necessity of feeding the souls of the dead relatives, especially parents, are saved in the names of the trees that “took” a memorial sacrifice (*лыл’куйан, йыр-пыдс’отон*). The microtoponyms given in the article are analyzed in the context of a mythological worldview and a broad typological correspondences with Slavic and other Finno-Ugric peoples.

Key words: Udmurt language; microtoponyms; names of trees; lexico-semantic types of names; a tree in the picture of the world; a tree as a centre of the Universe; a tree as stairs; a tree as a border; a tree as a deputy of the soul; a tree as the ancestor.

References

- Agapkina, T. A. 1999. *Derevo kultovoye*. In: *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar’*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 5/2. D—K (Kroshki). (In Russ.).

- Agapkina, T. A. 1999. *Derevo*. In: *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 5/2. D—K (Kroshki). (In Russ.).
- Ants, V. 1975. *Puud ja inimesed*. Tallinn: Valgus. (In Russ.).
- Atamanov, M. G. 2015. *Yazyk Zemli Udmurtskoy: istoriko-etimologicheskii slovar' toponimov Volgo-Uralskogo regiona*. Izhevsk: Izhevskaya respublikanskaya tipografiya. (In Russ.).
- Boykova, E. B., Vladykina, E. B. 1992. *Pesni yuzhnykh udmurtov: materialy i issledovaniya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 1. (In Russ.).
- Chernykh, A. V. 2004. Svyatilishcha kuedinskikh udmurtov v kontse XIX—XX v. In: *Kultovyye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: materialy i issledovaniya: sbornik statey*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Gagarin, Yu. V. 1978. *Istoriya religii i ateizma naroda komi*. Moskva. (In Russ.).
- Gemuyev, I. N., Sagalayev, A. M. 1986. *Religiya naroda mansi: kultovyye mesta (XIX—nachalo XX v.)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Karpova, L. L. 2005. *Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka: obraztsy rechi*. Izhevsk. (In Russ.).
- Khaydu, P. 1985. *Uralskiye yazyki i narody*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Kirillova, L. E. 1992a. *Mikrotoponimiya basseyna Valy (v tipologicheskom osveshchenii)*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Kirillova, L. E. 1992b. Toponimizatsiya nazvaniy dereyev v udmurtskom yazyke. In: *Permistika: dialekty i istoriya permskikh yazykov: sbornik statey*. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr UrO RAN. (In Russ.).
- Kirillova, L. E. 2002. *Mikrotoponimiya basseyna Kilmezi*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Kirillova, L. E. 2015. Mikrotoponimy kak otrazheniye sotsialnykh yavleniy v zhizni udmurtov (na primere nazvaniy otdelnykh dereyev). In: *Komi-permyatskiy yazyk i kultura: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Perm': PGGPU*. (In Russ.).
- Konakov, N. D., Vlasov, A. N., Ilyina, I. V. 1999. *Mifologiya komi*. Moskva; Syktyvkar: DIK. (In Russ.).
- Konkka, A. 2013. *Karsikko: derevya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiysko-finskikh narodov*. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russ.).
- Lytkin, V. I. (ed.). 1974. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Minniyakhmetova, T. G. 2000. *Kalendarnyye obryady zakamskikh udmurtov: monografiya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Nuriyeva, I. M. 1995. *Pesni zavyatskikh udmurtov*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 1. (In Russ.).
- Nuriyeva, I. M. 1999. *Muzyka v obryadovoy kulture zavyatskikh udmurtov: problemy kulturnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya: monografiya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Samarova, M. A. 2010. *Naimenovaniya topoobyektov Verkhney Cheptsy: monografiya*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).

- Shutova, N. 2006. Trees in the Udmurt folk religion. *Antiquity*, 80/308: 318—327.
- Shutova, N. I. 2001. *Dokhristianskiye kultovyye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Shutova, N. I. 2003. Sakranoye prostranstvo i kultovyye pamyatniki. In: *Udmurtskaya mifologiya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Shutova, N. I. 2004. Svyatilishcha v okrestnostyakh d. Malyy Dasos: K voprosu o tipologii i semantike besermyanskikh kultovykh mest. In: *Kultovyye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: materialy i issledovaniya: sbornik statey*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Shutova, N. I. 2011. Derevo v traditsionnom udmurtskom mirovozzrenii. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2: 56—71. (In Russ.).
- Shutova, N. I., Kapitonov, V. I., Kirillova, L. E., Ostanina, T. I. 2009. *Istoriko-kulturnyy landshaft Kamsko-Vyatskogo regiona: kollektivnaya monografiya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Vasikova, L. P. 2003. *Gornomariysko-russkiy slovar' geograficheskikh nazvaniy*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Vershinina, E. B., Vladykina, T. G. 2014. *Pesni yuzhnykh udmurtov*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 3. (In Russ.).
- Vinokurova, I. Yu. 2015. *Mifologiya vepsov: entsiklopediya*. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russ.).
- Vladykin, V. E. 1994. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov*. Izhevsk: Udmurtiya. (In Russ.).
- Vladykin, V. E. 2003. Udmurtskiy etnos i mifologiya. In: *Udmurtskaya mifologiya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Vladykin, V. E., Sarv, Kh. 1988. Kult svyashchennoy roshchi u estontsev i povolzhskikh finnov (opyt sravnitel'nogo analiza). In: *Ezhegodnik estonskogo etnograficheskogo muzeya*. Tallin. 36. (In Russ.).
- Vladykina, T. G. 1998. *Udmurtskiy folklor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Vladykina, T. G. 2003. Folklornyy tekst v mifologicheskom kontekste. In: *Udmurtskaya mifologiya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Vladykina, T. G. 2011b. Simvolika berezy v udmurtskoy svadebnoy obryadnosti. *Vestnik Vyatskogo gumanitarnogo universiteta*, 4 (1): 96—98. (In Russ.).
- Vladykina, T. G., Glukhova, G. A. 2011a. *Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
- Vlasova, D. D. 1980. Toponimy, otrazhayushchiye religioznyye predstavleniya kondinskikh mansi. *Voprosy onomastiki: sobstvennyye imena v sisteme yazyka*, 14: 57—62. (In Russ.).